

Всё, свобода! Вымыть пятки и бежать! Да заскочить к Зинке, укоротить подол у платья. Платье новое, супер. Синее, с капелькой, отороченной воланами из белой газовой ленты на груди.

Шила портниха Любка с ихней улицы. Для Варюхи она, конечно, тётя Люба. Но под пристальным надзором матери. А та указала: ниже колена на два пальца. Вот и приходится каждый раз забегать к Зинке Басовой укорачивать.

Укорачивание происходит следующим образом. Берётся длиннющая нитка, чтобы одной весь подол. Подворачивается этот самый подол на необходимую, то есть выше колена, длину и крупным стежком подшивается. На обратном пути Варюха к Зинке не заходит, все спят уже. На ходу подцепляет нитку и... раз – всю сразу вытягивает. Подол как так и был: на два пальца ниже!

Мать Зинки, не то, что мать Варюхи, посмеивается только, наблюдая, что девки вытворяют. У неё их четверо: старшая, Валька, давно на выданье, мучается с женихом, который её никак расписаться не зовёт, а младшая недавно родилась. Иван, отец девок и муж тёти Маруси, чуть с ума не сошёл, хотя и знал, что снова будет девка. А знал потому, что сам с братом, у которого два парня-погодка, поспорил на ящик водки. Причём брат ставил на парня, а сам Иван, не веря в удачу, спорил на девку.

Ну и что с ума сходить? Чего хотел, то и получил! Ему все на улице страшно сочувствовали. Иван-то воевал и был матершинник, каких свет не видывал. Ему парень до зарезу был нужен.

Правда, мнения разделились. Кто считал, что Иван с ума сходит из-за четвёртой девки, но были такие, которые злословили, что совсем не из-за этого, а на радостях, что ящик водки выиграл. Вот и ушёл в запой.

Немцы, что жили по Береговой, (волжские, конечно), те, по-научному, среди них были и учителя, и медработники, на полном серьёзе утверждали, что у Ивана Басова, на почве рождения одних девок, расстройство психики. Но на русской улице только руками махали да посмеивались, какая, мол, пси... ну, это самое, просто Иван хочет от выигранного ящика как можно больше урвать, потому что они не только с братом пили, но и другие присосеживались. Всей Садовой Натоньку, так называли малышку, обмывали. И не зря: Натонька потом самой красивой из басовских девок оказалась да и счастливой, как много позже выяснится. Ну и, что греха таить, отец её больше всех дочек любил, потому что она вся в мать вылилась.

Да... а между Валькой и Натонькой Зинка с Галей были, а Варюха как раз между ними. Перед Зинкой Варюха ребёнок, а Галя для Варюхи маловата. Но с обеими она общается по-соседски.

У Варюхи свои подружки: Жанка (такое вот имя), Нинка Нагонова и Галка Бархатова. Они все городские, а Варюха с Зинкой – с Садовой. А это пригород, практически деревня при городе. Здесь все своё хозяйство держат. Коров по утрам хозяйки в стадо выгоняют, вечером они тяжёлые, как грузовые корабли, возвращаются. Тёлки, бычки, свиньи, последние хрюкают и вечно что-то носом роют. Куры во дворах летом,

как сугробы снежные, только эти сугробы зерно клюют и кудахчут. Утки с гусями на болоте строями розовыми перепончатыми лапами гребут. Его, болото, позже осушат, когда Варюха уедет.

До школы Варюха с Зинкой побегут вместе, а потом их пути разойдутся. Потому что в городе два парка, а значит, и две танцплощадки. Одна, в парке «Машзавода», для соплячек, малолетки лет пятнадцати-шестнадцати тусуются. Другая, в «Городском», для старух, то есть после восемнадцати. Вот и получается, что вместе добегают до школы, которая как раз между двумя парками располагается, а дальше – одной направо, другой налево.

Но это позже. Пока же Варюха проскочила тёмный крытый двор с мотоциклом у стены дровяника и Томиком на цепи. Томик безразлично повилял хвостом и зевнул во всю пасть – обычное приветствие немного уже подуставшего от жизни цепного пса. Затем наощупь были пройдены тёмные затхлые сенцы, и, наконец, Варюха оказалась в тёплой душноватой, но в целом уютной кухне-прихожей.

Зинка привычно заорала:

– Опять опоздаем, быстро снимай!

Варюха содрала с себя платье через голову, бросила на лежанку, стоявшую тут же, в прихожей, и девчонки быстрыми привычными движениями завязанных модисток превратили его в последнее слово современной моды. Затем произошло одевание и причёсывание обеих красоток.

За всем этим наблюдала, посмеиваясь то про себя, то явно, тётя Маруся. Это была женщина с ещё очень хорошо видимыми следами былой красоты, уже сильно дородной, но всё ещё статной фигурой и с уверенными и томными повадками очень любимой мужем женщины.

– Ох, Варька, расскажу матери про платье, что ты с ним делаешь, – нестрашно грозила она.

– Тётя Марусь, ну не говорите, – лениво упрашивала Варюха. Она знала – не скажет! До сих пор не сказала, что ей теперь-то?

– Ну и мода пошла, – продолжала философствовать тётя Маруся, – шла, шла и выше коленок дошла. Дальше-то что будет, а, девки?

Но тётя Маруся говорила это совсем не так, как мать Варюхи и прочие бабы с Садовой. Те возмущались по-настоящему, а тётя Маруся и не по-настоящему, и не возмущалась вовсе. А говорила так, что девчонкам порой казалось, что будь она на их месте, то, пожалуй, и сама бы... Додумывать девчонки не решались, всё-таки уважение к старшим ещё было сильно в те годы.

Что за прелесть эти танцплощадки маленьких городков семидесятых годов!

Прямо из глубины гусе-куро-свино-коровьего мира, прямо от печек и белёного внутреннего интерьера попадаешь в удивительный, прекрасный, придуманный каким-то добрым сказочником мир.

Танцплощадка – это некое пространство, круглое или квадратное, устроенное в какой-либо части городского парка данного городка. Оно, как правило, слегка на возвышении, устланное дощатым полом и обнесено высокой, в рост человека, весело-покрашенной в белый или голубой цвет оградой из витой проволоки, а бывает, что из прямых копьёобразных прутьев, а то и просто дощатая.

Внутри есть ещё одно возвышение – сцена. На которой, как правило, долго и томительно устанавливают аппаратуру музыканты, прежде чем заиграть первую мелодию. И ещё там была одна удивительная особенность: там пахло... ну,

конечно, цветами, ну, конечно, вечерней свежестью, но не только этим. Там пахло... противоположным полом! Ах, как пахло, так, что сердце начинало биться-колотиться! Он тоже здесь присутствовал, противоположный пол, и он тоже принохивался.

Ох, этот запах, тревожащий, манящий, влекущий, непонятно в какие дали. Именно ради него приходили сюда молоденькие восьми-девятиклассницы и их сверстники. Именно ради него выдирались они каждый вечер из своих коровьих углов в этот неведомый мир невообразимого счастья. Счастья ещё ни разу не испытанного, таинственного, мистического.

Просили, плакали, умоляли, требовали, ругались на смерть с отцами и матерями, пропалывали заданное количество грядок, переделывали горы дел, чтобы вечером, в час икс прокричать внутренне: «Свобода!!!» Вымыть пятки, надеть купленные вначале лета босоножки (надеваемые только сюда и никуда больше), подшить все на свете юбки, собрать Зинок, Жанок, Галок, Нинок, и... материализоваться, наконец, во всей красе, прямо посередине этого светлого, радостного круга, где так пахнет... неведомым будущим, нереализованными ещё возможностями, несбывшимися, пока, надеждами, да что там, ею – любовью!

Что такое любовь, никто из девчонок ещё не знал. Те годы были не последующие. Если не зацикливаться на исключениях, в целом было – не забалуешь.

Толстые, сильные, как мужики, тётки билетёрши стояли у входа в эдем, как глыбы и как неперменный атрибут каждой танцплощадки. Отшвыривали, как котят, всяких безбилетников и с запашком изо рта, даже лёгким. Снаружи танцплощадки, по периметру и дальше, по парку – дружинники. Музыка, особенно поначалу – танго, вальсы, потом становится всё живее, и только под самый конец вот оно: «Жил да был чёрный

кот» Пьехи, «Колесо» Муслима и, наконец, долгожданный «Шейк-шейк» Бюль-Бюля!

Чтобы не опозориться, девчонки устраивали танцевальные репетиции этого самого шейка у кого-нибудь дома, как правило, у Галки Бархатовой. До этого разучивали чарльстон, но его Варюха так до конца и не осилила. Патологическая зажатость не позволяла ей раскованно производить вульгарно-дебиловатые чарльстоновские движения. А вот шейк – это другое: движения проще, а амплитуда колебаний от самых вызывающе-непристойных до скромно-пионерско-комсомольских. Не зря же танец этот просуществовал, благополучно преобразовываясь и приспосабливаясь к народно-танцевальной конъюнктуре, до наших дней, перейдя от статуса танца афро-негро-угнетаемых народов до народного танца всех свободных народов СССР.

Варюха стояла посреди танцплощадки и больше всего на свете боялась, что её... потом, когда заиграет музыка, пригласят. Но ещё больше она боялась, что не... пригласят.

Светлый круг, в котором она находилась, был как бы подвешен в её сознании между небом и землёй. Не было так же ни права, ни лева. В этом круге было всё, что надо: свет, тепло, сладкое томление, от которого прямо с неба (крыш у летних танцплощадок не предполагалось) на Варюху сыпались то ли звёзды, то ли цветы охапками. Ни те, ни другие до поверхности планеты не долетали, а трансформировались прямо в атмосфере в переливающийся свет и цветочные запахи. (Огромная клумба, разбитая перед входом на танцплощадку, конечно, тоже источала, но это в дополнение, не иначе.)

Сразу за периметром танцплощадки были уже потёмки, твёрдая, не уплывающая из-под ног земля, проза жизни. Там прогуливались тёмные парочки, а у самого ограждения стояли одиночки, которые откровенно глазели на будущих танцоров

и, особенно, танцорок. Им явно хотелось в светлый круг, но у них были причины, чтобы там не оказаться. Это могло быть всё, что угодно: уже не пятнадцать, чья-то бабушка, душевно-алкогольное состояние. В общем, это был весь остальной мир, мир, так сказать, непосвящённых.

Так им и надо. Варюха никогда не задумывалась, окажется ли она когда-либо по ту сторону круга, конечно же – нет! Она-то всегда будет здесь, и всегда другие будут смотреть на неё из тёмного внешнего пространства самого, так сказать, материка.

Именно на нём, на материке и находился весь остальной мир. Уже с коровами, белёными стенами, с пятиэтажками и частным сектором, с небольшими городками и огромными далёкими и недосыгаемыми городами-столицами. Их она обязательно увидит, через два года, когда окончит школу, и поедет поступать. Куда и на кого Варюха ещё не представляет. Да это и неважно сейчас: два года это вам не два дня, это вечность. Достаточно того, что она поступит и поступит на что-то такое, чего просто не может быть, а с ней случится! Это единственное, в чём она абсолютно уверена!

Подскочили Жанка с Галкой Бархатовой. Оставалось дожидаться Нинку. У Галки завтра день рождения, ей исполняется целых шестнадцать лет! Первой! Ужас. Остальным ещё не скоро. Нинке с Жанкой в августе, Варюха самая младшая, ей шестнадцать стукнет только в октябре. Но сейчас необходимо было придумать, как справить день рождения первой, подошедшей к этому рубежу, то есть Галке. Галка стояла грустная, она даже плакала днём. Жизнь кончалась. Уже шестнадцать, что дальше? Но потом успокоилась: впереди был ещё целый день, такой длинный, наполненный разными событиями с танцами в конце.

Потом, когда Варюха вспоминала, как всё было, она одного не могла уразуметь: как они за болтовнёй пропустили

главное! И что танцплощадка, заполняясь невероятно медленно, заполнилась неожиданно быстро. И что музыканты, которые так долго готовились к священнодействию, вдруг к нему приступили. И как, наконец, полились первые сладкие звуки танго.

Но зато она отчётливо помнила другое: момент, когда в её сознании возник этот образ приближающегося молодого человека, высокого, с усиками и с сияющими синевой глазами. Она стояла боком и сначала видела это приближение боковым зрением. Но по мере того, как молодой человек подходил ближе, а Варюха разворачивалась к нему лицом, возникало понимание, что он идёт именно к ним, к их компании. Но что он идёт к ней, это в сознании отсутствовало напрочь!

«К Жанке, конечно», – решило сознание, и она приняла независимый вид. – Подумаешь, мне-то что!» И хорошо, что сознание обмануло поначалу, потому что, если бы Варюха догадалась сразу, она бы умерла.

А так, в момент, когда Варюха услышала «разрешите пригласить», и её окатило синим потоком его сияющих глаз, умирать было поздно. Варюха вскинула голову, дождалась, когда молодой человек возьмёт её за локоток, и пошла впереди него навстречу музыке, которая вдруг ворвалась в уши, танцу, который отрывал её уже от земли, и... безмерному счастью.

Ведь она была в этот момент королевой танцплощадки! Да нет, просто королевой!!! И её выбрал в королевы вот этот молодой человек, который ласково и, немножко сам испуганно, смотрел на неё сверху вниз (он был высок и статен). Выбрал первую, и они открывали танцы! Все обзавидуются! Все!!! А она будет горда и счастлива, аж... до завтра!

Потому что завтра снова будет работать танцплощадка, но королевой, возможно, будет не она.

Хотя... поживём-увидим.